

УДК 811.161.1'373.2

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ХРОНОТОП В «МАЛЕНЬКИХ» ПОЭМАХ С. ЕСЕНИНА (1912–1915 гг.)

© 2010 Е.В. Бунеева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 апреля 2010 года

Аннотация: Целью данного исследования является представление состава онимов, формирующих ономастическое пространство в текстах поэм С. Есенина, рассмотрение их в качестве хронотопа, установление связи онимов с традицией фольклорной поэзии с точки зрения лексических, фонетических, морфологических параллелей.

Ключевые слова: ономастика, поэма, ономастикон, хронотоп, антропоним, топоним, номинация.

Abstract: The aim of this study is to present proper names, which form onomastic space in Esenin's poems, examination of the proper name as a chronotop, establishment of link with tradition of folk poetry and analysis from the lexical, phonetic, morphological point of view.

Key words: onomastics, the poem, onomastic space, chronotop, antroponym, toponym, nomination.

В юношеский период своего творчества С. Есенин создает «маленькие» поэмы (1912–1915 гг.), которые впоследствии многие критики и литературоведы назовут стихотворениями. Понимание пространственно-хронологического и тематического параметров «маленьких» поэм, безусловно, важно для дальнейшей интерпретации ономастикона всего поэмого творчества автора. В этой связи уместно будет вспомнить работы М.М. Бахтина, в которых ученый определил время и пространство в художественном мире как две стороны хронотопа, где происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, 453].

Принимая во внимание вышеуказанные параметры, «маленькие» поэмы можно разделить на три группы: первая включает в себя ранние

произведения, созданные в 1912–1915 годах («Марфа Посадница», «Микола», «Русь», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате»), вторая – поэмы, написанные после Февральской революции и в первые послеоктябрьские годы («Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Иорданская голубица», «Пантократор», «Небесный барабанщик», «Кобыльи корабли», «Сорокоуст», «Исповедь»), в третью группу вошли произведения, созданные Есениным во второй половине 1924 и в 1925 году («Русь советская», «Возвращение на родину», «На Кавказе», «Стансы», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Метель», «Весна», «Мой путь», «Баллада о двадцати шести», «Ленин» (Отрывок из поэмы «Гуляй поле»).

В первый юношеский период своего творчества С. Есенин обращается к теме гражданского подвига русского народа, то отсылая нас к легендарно-героическому прошлому русской истории («Марфа Посадница», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате»), то возвращая к событиям современной ему действительности («Русь»).

В Ономастическом пространстве поэм, в которых сквозь призму времени автор пытается

поэтически осмыслить историческую судьбу своей родины, прослеживается хронотопная роль онимов. И хотя поэт не стремится к исторической достоверности, и герои его — скорее образы-символы, ономастика данных поэм вполне реалистична, ономастическое пространство не только вписывается в хронотоп художественного текста, но и составляет его доминанту.

Так, в поэме «Марфа Посадница» мы встречаем следующие исторические антропонимы, зафиксированные в древнерусских былинах: *Марфа* (6) — второй компонент онима (*Посадница*) фигурирует только в заглавии, *Садко* (1), *Буслай* (1), сюда же можно добавить имена былинных богатырей — *Василия* Буслаева и *Микулы* Селяниновича, косвенно упомянутых поэтом:

Возговорит Марфа голосом серебряно:

«Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!» [1, 7].

Отдельную группу антропонимов в «Марфе Посаднице» составляют библейские: *Виельзевул* (1), *Иуда* (1), причем второй оним употребляется в обобщенно-символическом значении — *предатель, изменник* [3, т. II, 68]:

Зарычит антихрист земным гудом:

«А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!

Как пойдет на Москву заморский Иуда,

Тут тебе с Новгородом и сладу нет!» [1, 8].

Топонимический фон поэмы представлен *Москвой* (1), *Новгородом* (1), *Киевом* (1), вариантами этих топонимов — *Московия* (1), *Новоград* (1), а также отыменными прилагательными, образованными от некоторых из указанных выше топонимов — *московский* (4), *новоградский* (2).

Антропонимы и топонимы поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» тоже историчны: *Евпатий* (8), *Батый* (2), *Рязань* (1), *Русь* (3), *Московия* (1), *Коломна* (2). Заглавную форму антропонима мы, так же как и в «Марфе Посаднице», не встречаем в самом тексте поэмы. Однако здесь наибольший интерес вызывает группа ойконимов Рязанской области, сочетающихся в произведении с рязанскими диалектизмами: *Улыбыш* (1), *Зарайская сторонушка* (1), *Чурилков холм* (1), *Ольшаны* (2), *Швивая заводь* (2), *Шехмино* (1), *Пилево* (1).

Весь ономастикон поэмы «Ус» состоит всего из шести онимов, среди которых два топонима — *Москва* (1) и *Калуга* (1), гидроним *Дон* (4), исторический антропоним *Ус* (4), принадлежащий предшественнику, а затем и сподвижнику Степана Разина, донскому атаману Василию Родионовичу Усу, а также два библейских антропонима — *Иисус* (1) и *Христос* (1).

Ономастикон поэмы «Русь» состоит из хоронима *Русь* (4) — в значении *родина*, и антропонима *Луша* (1). Этот антропоним является внесюжет-

ным — данная поэма вообще не имеет сюжета и является выражением гражданских чувств и умонастроений поэта, связанных с началом Первой мировой войны — и выполняет функцию сословного онима. Имя *Луша* — сокращенная форма от разговорного варианта имени Гликерия — *Лукерья* [4, 367] могло принадлежать только персонажу из крестьянской среды. В тексте поэмы оно принадлежит деревенской четнице:

Собралися над четницей Лушею

Допытаться любимых речей. [1, 17].

Подобный пример внесюжетного антропонима (*Палага*-шинкачериха) можно найти и в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате»:

У Палаги-шинкачерихи

На меду вино развожено,

Кумачовые кумашницы

Рушниками занавешены. [1, 158].

Таким образом, автор как бы ограничивает хронотоп посредством онима. Впервые на подобное функционирование имени собственного указал А.С. Пушкин [5, т. V, 166].

Рассмотренные «маленькие» поэмы стилизованы С. Есениным под былинный эпос, и это, конечно, не могло не сказаться на ономастическом сегменте произведений. Этот прием косвенно формирует хроноп поэм: он отсылает нас не только к внутренней, но и к внешней форме слова, к той форме, которая могла сформироваться и быть использованной только в определенной среде и в определенный период.

Так, в поэме «Марфа Посадница» наряду с древнерусскими полногласными формами онимов (*Новгород*), мы находим старославянское неполногласие (*Новоград*):

Выше, выше, вихорь, тучи подыми!

Ой ты, *Новгород*, родимый наш! [1, 10].

Пошли стрельцы, запылили по полю:

«Берегись ты теперь, гордый *Новоград*!» [1, 9].

К морфологическим особенностям имен собственных в текстах «маленьких» поэм можно отнести устаревшую звательную падежную форму (*Виельзевуле*) в поэме «Марфа Посадница»:

«Ой, *Виельзевуле*, горе мое, горе,

Новгород мне вольный ног не лобызает!» [1, 8].

Отметим двойную диалектную предложную форму, не единожды использованную С. Есениным в поэме «Ус»:

Не белы снега *по-над* Доном

Заметали степь синим звоном. [1, 19].

Как видим, хронотоп ономастического пространства ранних «маленьких» поэм С. Есенина глубоко уходит своими корнями в традицию народного творчества. Он пронизан образами и символами, которые многие века транслировались фольклорной поэзией и которые С. Есенин впитывал с самого детства. Именно поэтому

большую часть именника этих поэм составляют онимы, заимствованные автором из преданий, притч, сказаний, легенд, а также из духовных стихов, бытовавших на Рязанщине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Собр. соч.: в 6 т. / С.А. Есенин. – М. : Художественная литература, 1978.

2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1978.

4. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М.: АСТ, 1998.

5. Пушкин А.С. Полн. СОБР. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин – Л. : Наука, 1977–1979.

Бунеева Е.В.

Воронежский государственный университет.

Аспирантка кафедры славянской филологии филологического факультета.

e-mail: kyrkina@pochta.ru

Buneeva E.V.

Voronezh State University.

The post-graduate student of faculty of philology, the chair of slavonic philology.